

2. Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 г. М, 2001. С. 444–445.
3. Там же. С. 449–450.
4. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.459. Л.26.
5. Общество и власть... Т.1. С. 348–349.
7. ЦДООСО. Ф.76. Оп. 1. Д. 473. Л. 3.
8. Там же. Ф.76. Оп.1. Д.475. Л.6.
9. Там же.
10. Там же. Л. 230 об.
11. Там же.
12. Там же. Д.473. Л.5.
13. Уральский коммунист. 1922. №4 (октябрь). С.30.
14. ЦДООСО. Ф.76. Оп.1. Д.473. Л.4–5.
15. Нарский И. Указ. соч. С. 454.
16. ЦДООСО. 1494. Оп.1. Д.78. Л.119.
17. Борисова Л.В. Нэп в зеркале показательных процессов по взяточничеству и хозяйственным преступлениям // Отечественная история. 2006. №1. С.84.
18. Общество и власть... Т.1. С.328–329.

**Горин И.Н., Менщиков В.В.
(Курган)**

Культурно-исторические символы и историческая память

Память о прошлом, вероятно, присуща всем живым организмам. У растений и простейших она существует в виде генетической памяти, у более сложных видов – в форме условных рефлексов, у млекопитающих в виде памяти, распространяющейся на индивидуальную жизнь. И только у человека она распространяется за пределы личной индивидуальности и существует в виде исторической памяти. Обращение к данному понятию не случайно. В самое последнее время можно говорить о формировании целого направления, по крайней мере, в западной историографии (Франция, Германия), ставящей в центр исследовательского интереса историков именно историческую память (1). «Мы живем в эпоху всемирного торжества памяти», – пишет Пьер Нора. Одной из важнейших причин этого исследователь считает, так называемое «ускорение истории» (2), которое ведет к эффекту «автономизации настоящего между непредсказуемым будущим и канувшим во тьму, непрозрачным для нас прошлым... Именно разрывом исторической и временной преемственности объясняется, на мой взгляд, новая актуальность памяти - прошлое перестало быть гарантией будущего, а потому память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности» (3). Таким образом, историческая память в современных условиях становится, чуть ли, не единственной основой утрачиваемой идентичности.

Определим историческую память, как сохраняющуюся и воспроизводимую в культуре информацию о прошлом общества.

Историческая память, во-первых, принадлежит не индивидуумам, а обществу, являясь существенной частью его культуры. Во-вторых, отражает не столько индивидуальные, а, сколько общие для членов сообщества события, существенно повлиявшие, в том числе, и на индивидуальные судьбы.

Очевидно, что существуют различные механизмы накопления и передачи исторических знаний, а соответственно и разные формы исторической памяти. Вероятно, самой древней формой исторической памяти является память поколений, передаваемая и хранимая в виде устной истории сообщества – исторического предания. Такая память весьма капризна: склонна трансформировать события, менять их последовательность, забывать «мелочи» или дополнять события новыми элементами. Сохранение и передача событий от поколения к поколению в неизменном виде обеспечивалась сакрализацией событий и, как следствие, превращение предания в миф. Миф, это не выдумка, не плод индивидуального или коллективного сочинительства. Это особая форма исторической памяти, освободив которую от архетипов, мы можем воспроизвести историческую подоснову. Однако, только подтвержденная артефактами, эта форма исторической памяти превращается в историческое знание.

Долгое время считалось, что мифы содержат только выдуманные элементы и «являясь сказанием о богах и героях» не могут нести в себе информацию о действительно происходивших когда-то событиях. Однако раскопки Г. Шлиманом Трои сильно пошатнули подобные представления. Он, основываясь на сведениях содержащихся в «Одиссее» Гомера, являющейся в большей степени литературной обработкой мифов древней Греции, сумел откопать легендарный город. Г. Шлиман был первым историком, который подобно Геродоту не только признал историческую основу мифа, но и превратил миф в источник исторического знания.

Следующей формой исторической памяти, доминирующей в настоящее время и претендующей на статус адекватного отражения исторического процесса, является научное историческое знание. Научное историческое знание возникает лишь тогда, когда разрозненные артефакты, порождаемые деятельностью субъектов исторического процесса и доступные эмпирической науке, преломляясь через ту или иную концепцию исторического процесса, превращаются в упорядоченную картину истории. Концептуальный аппарат позволяет выделить ключевые события, связав их не только хронологической последовательностью, но и закономерной связью. Ключевые события в научной картине исторического процесса не просто лишены случайности, они суть - проявление закона истории. Значение исторического знания для настоящего заключается в том, что через призму открытых (сформулированных и/или сконструированных) исторических законов люди

пытаются получить возможность объяснять события настоящего, и предсказывать на научной основе будущее.

Еще раз подчеркнем, ключевую роль в процессе научного познания играют не артефакты, а концепции исторического процесса – взгляды на то, что представляет собой история, в чем ее смысл, с чего начинается и чем заканчивается история человечества или отдельных народов. Именно от этого, прежде всего, зависит, какие артефакты исследователь принимает во внимание, а какие нет. Какие события он за ними увидит.

Концептуальный аппарат явно или неявно заимствуется историками первоначально из религиозной философии, однако постепенно лидерство переходит к философии и, наконец, уже в новейшее время к частным общественным наукам. Длительное время право на интерпретацию исторических фактов и построение «картины истории» принадлежало не историкам, а философам.

Достаточно наглядная зависимость различий в интерпретации исторического материала, в зависимости от концептуальной позиции автора, видна на примере взгляда на российскую историю С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. Концептуальная позиция С.М. Соловьева, хотя и неявно опирается на макиавеллизм в изложении Феофана Прокоповича. В.О. Ключевский же опирается на концепцию естественных факторов Ш. Монтескье, искавшего различия в истории и психологии народов в зависимости от характера ландшафтов и особенностей природной среды. В результате мы имеем две не очень похожих версии истории России.

Наряду и одновременно с научной формой исторической памяти существует еще одна чрезвычайно важная ее форма, связанная с массовым сознанием – отражение истории в виде культурно-исторических символов. Эта форма исторической памяти возникает и развивается во взаимосвязи с научной формой, постоянно взаимодействует с ней, заимствуя из нее исторический материал. Но в тоже время – она относительно автономна от научного уровня отражения исторического процесса и не является его упрощенной копией, приспособленной для массового восприятия.

Культурно-исторические символы – это форма исторической памяти, основанная на преломлении событий истории через систему доминирующих в обществе ценностей и этико-культурных норм. Другими словами культурно-исторические символы – это события, явления, факты и герои прошлого, получившие в исторической памяти конкретной общности определенную значимость, ценностное содержание и трактовку. Культурно-исторические символы отражают представления людей о характере своей истории. Это понятие также корреспондирует с понятием «образ прошлого», активно используемым в современных исследованиях. Так, И.И. Глебова отмечает, что «образ прошлого, занесенный в социальную память, зафиксированный в ней, становится «некой общей идеей, понятием».., то есть обращается в средство

воспроизводства социальных связей» (4). Именно эта «некая общая идея», а точнее понятие, и может быть интерпретировано как культурно-исторический символ.

Отражение истории в системе культурно-исторических символов не является популяризированным слепком научного знания, хотя популяризация данных исторической науки играет важную роль в образовании культурно-исторических символов. Это самостоятельная форма исторической памяти, формирующаяся и функционирующая по собственным, отличным от научного знания законам.

Как форма исторической памяти культурно-исторические символы существуют во взаимной связи, образуя систему культурно-исторических символов. Система культурно-исторических символов представляет (репрезентирует) определенный отрезок истории или историю в целом.

Водораздел между научным историческим знанием и системой культурно-исторических символов проходит не по линии «сложный - простой» или «элитарный – массовый», а в отношении специфического способа организации исторических фактов. В науке исторический материал упорядочен не просто в соответствие с хронологической последовательностью событий, а в соответствие с причинно-следственной связью, выражающей исторические закономерности. Культурно-исторические символы находятся как бы вне времени и пространства, вне причинно-следственных связей. Такая структура пространства и времени характерна, например, для мифа. Благодаря этому эта форма исторической памяти в чем-то похожа на свой мифологический предшественник. Но только похожа, потому что архетипическая основа мифа уступает место более сложной связи между символами, опосредованной ценностями культуры. Культурно-исторические символы собственно и выражают доминирующие в обществе ценности, являются их носителями, в какой-то мере – их воплощением.

Важное отличие культурно-исторических символов от мифа заключается и в источниках данных. Мифологическая форма отражения истории базируется, на устном предании, культурно-исторические символы – в основном на данных научного исторического знания и в редких случаях на устной традиции. Наконец как мы помним, миф сакрален и сказочен. В отличие от него культурно-исторические символы не сакральны, хотя могут содержать элементы религиозных представлений (типичны, например, упоминания о знаменьях, предшествующих некоторым ключевым событиям) и не сказочны, хотя могут содержать элементы вымысла (как правило, это просто гипербола).

Система культурно-исторических символов – часть национального и гражданского самосознания, выражающая отношение соответственно к нации и стране. В последнем случае ее можно определить и как специфическую часть общественного сознания. А так же как особую форму общест-

венного мнения, репрезентирующего культурные и исторические особенности общества, интегрирующего его.

Поскольку система культурно-исторических символов выражает доминирующие в обществе ценности, то это определяет их роль в формировании и функционировании общественной идеологии, в социализации и воспитании личности. В конечном итоге система культурно-исторических символов формирует поведение действующих субъектов истории. Все это обуславливает необходимость теоретического и прикладного изучения феномена культурно-исторических символов, как в исторической науке, так и в других социо-гуманитарных дисциплинах.

-
1. Глебова И.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М., 2006. С. 3; Артог Ф. Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени: Реферат // Отечественные записки. 2004. № 5// www.strana-oz.ru.
  2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3 (40-41) // www.pz-online.ru; см. также: Люббе Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94-113 (по мнению Г. Люббе, «сокращение настоящего — это процесс укорачивания протяженности временных интервалов, в которых мы можем рассчитывать на определенное постоянство наших жизненных отношений»).
  3. Нора П. Указ. соч.
  4. Глебова И.И. Указ. соч. С. 7; см. также: Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.

Дашкевич Л.А.
(Екатеринбург)

Становление духовного образования на Урале

Истоки профессионального духовного образования в России уходят в XVII век, когда были созданы первые школы греко-славянского типа при монастырях и домах епископов, а в 1685 г. – славяно-греко-латинская академия. Для священнослужителей образование в те времена являлось делом личной воли, число образованных людей в церкви было очень ограниченным (1).

В начале XVIII в. задачу образования духовенства попытался решить царь-реформатор Петр I, который сумел провести ряд прозападных преобразований в сфере духовного образования. Соратниками царя в проведении школьных реформ было киевское духовенство, близкое к европейскому просвещению. Воспитанные в духе схоластики и западного богословия, киевские ученые монахи приносили в Московскую духовную школу европейские традиции. В 1700-1701 гг. по образцу протестантской коллегии была рефор-